

Глава седьмая. Осиное гнездо

Вернемся к мысли, высказанной Майклом Крепоном, о том, что последние дни 2002 года, вероятно, были «самым опасным периодом со времени Кубинского кризиса в 1962 году». Главной причиной его обеспокоенности стало «образование зоны стихийного распространения ядерных технологий от Пхеньяна до Багдада», включая «Иран, Ирак, Северную Корею и Индийский субконтинент»{301}. Опасения такого рода были широко распространены, а инициативы администрации Дж. Буша 2002–2003 годов способствовали усилению международной напряженности и только подстегивали общее беспокойство.

Существует более значительный источник ядерной опасности, о котором в США редко говорят на публике, поскольку это имеет отношение к стране, являющейся придатком американской военно-политической мощи — Израилю. Конечно, никто официально не признает этот факт, как в «зоне стихийного распространения ядерных технологий», так и в Штабе стратегического командования США (STRATCOM), отвечающего за арсенал ядерного оружия. Генерал Ли Батлер, начальник Штаба стратегического командования в 1992–1994 годах, отмечает, что «крайне опасно, когда в этом осином гнезде, как мы называем регион Ближнего Востока, одно государство открыто наращивает свой арсенал ядерного оружия, который измеряется в сотнях боеголовок и тем самым провоцирует ответные действия других стран региона». Израильские запасы оружия массового поражения вызывают не меньшее беспокойство у России — второй ведущей ядерной державы в мире{302}.

Подобные опасения были выражены в более яркой форме в тексте Резолюции Совета Безопасности ООН № 687, действие которой было приостановлено в результате совместных усилий администраций Буша и Блэра в рамках системы мер, предпринятых ими для обеспечения квазизаконной основы для вторжения в Ирак. Ни одна резолюция не санкционировала действия США и Великобритании, а Резолюция № 687 была направлена на «создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения и средств его доставки» (Статья 14). Разведка США и ряд других источников были едины во мнении, что Израиль, предположительно, располагает несколькими сотнями единиц ядерных боеголовок и ведет разработки по созданию химического и биологического оружия.

Статья 14 мало фигурирует в комментариях американских экспертов, но часто упоминается за пределами США. К примеру, Ирак обращался к Совету Безопасности ООН по вопросу применения положений Статьи 14. У этой страны есть собственные мотивы не помешать осознанию всей значимости данного вопроса. Опасения генерала Батлера также отнюдь не тривиальны. Несомненно, военная мощь Израиля будет всячески «провоцировать соседние государства» на разработку и создание собственного оружия массового поражения, включая Ирак, коль скоро у него появится хоть какая-то степень самостоятельности.

Вопросы, которым посвящена Статья 14 указанной резолюции, возникали и раньше, к примеру накануне первой войны США в Персидском заливе. После вторжения в Кувейт, в августе 1990 года, Ирак выдвигал ряд предложений по выводу своих войск в контексте общего регионального мирного урегулирования. Эти предложения попали на страницы газет после утечки информации, организованной американскими властями, которые сочли иракские предложения «серьезными» и «обсуждаемыми». О степени их серьезности мы не можем судить: руководство США «тут же отклонило их», как сообщил журналист Кнут Ройс из газеты «Ньюсдэй» — единственный, кто сумел подробно описать все перипетии этого дела. Довольно интересно, что тогда, по результатам социологических опросов, перед началом бомбардировок Ирака американцы высказались за проведение конференции по мирному регулированию арабо-израильского конфликта, если это поможет осуществить вывод иракских войск из Кувейта{303}. Безусловно, эти показатели были бы выше, в случае если бы американцы знали, что Ирак только что выступил с аналогичным предложением, которое Вашингтон сразу же отклонил. Разрушительной войны и еще более тяжелых ее последствий можно было бы избежать, сотни тысяч жизней можно было бы спасти и, вероятно, заложить фундамент для последующего свержения тирании С. Хусейна. Вполне вероятно, что существовала возможность полного уничтожения во всем регионе оружия массового поражения и средств его доставки. Наконец, стало бы возможно распространить данную инициативу на сверхдержавы, которые на протяжении 30 лет отказывались соблюдать Договор о нераспространении ядерного оружия в части осуществления добровольных мер, направленных на уничтожение ядерного оружия, что имело бы огромное значение.

Помимо оружия массового поражения, в целом военный потенциал Израиля оценивался в регионе как фактор «исключительной опасности». Несмотря на то что Израиль является небольшой страной, он смог стать, по сути, американской военной и технической офшорной зоной, в связи с чем получил возможность создавать вооруженные силы, оснащенные по последнему слову техники. Основой его экономики являются высокотехнологичные разработки военно-промышленного комплекса и тесное сотрудничество с США в этой сфере. Неудивительно, что Израиль начинает напоминать своего старшего партнера в различных аспектах. Парламентское расследование (Кнессета) обнаружило, что «Израиль в настоящий момент занимает второе после США место в мире по степени социальных разрывов между различными группами населения по уровню доходов, наличию собственности, привлечения капитала, качеству и стоимости образования и многим другим показателям благосостояния граждан». Некогда эффективная система социального обеспечения пришла в упадок, а социально-культурные ценности общества претерпели значительные трансформации{304}.

Как его старший партнер, Израиль обладает вооруженными силами, которые несравненно более оснащены, нежели армии других стран, уровень развития которых сопоставим с израильским. Руководитель направления научно-технических разработок Армии обороны Израиля охарактеризовал военно-воздушные и бронетанковые войска как гораздо более оснащенные и современные, чем имеющиеся на вооружении любой страны НАТО, за исключением США{305}. Израильские традиционные вооруженные силы призваны осуществлять военные операции на территории соседних государств, усмирять народные волнения на оккупированных территориях, используя при этом средства, которые заставляют различных представителей правозащитных организаций приходить к самым

мрачным выводам.

Израиль тесно сотрудничает в военном отношении с Турцией — другой крупнейшей военной державой в регионе. На Ближнем Востоке часто называют альянс США, Израиля и Турции «осью зла»{306}. Причины этого не трудно понять. Всегда можно с легкостью найти объект неприязни, а эта «ближневосточная ось зла», по крайней мере, имеет четкие очертания, в отличие от воображаемой «оси зла», которую придумали пиарщики Джорджа Буша. Они имели в виду два государства, воюющие на протяжении двадцати лет, и еще одно государство, не относящееся к мусульманскому миру, но являющееся мировым изгоем.

Американский независимый эксперт Роберт Олсон сообщает, что 12 процентов атакующих типов израильских военных самолетов «размещены на постоянной основе на территории Турции» и «постоянно совершают разведывательные полеты вдоль иранской границы». Тем самым они как бы дают понять иранским властям, «что их государство вскоре будет подвергнуто атакам Турции при поддержке ее союзников в Израиле и США». Эксперт считает, что эти действия являются результатом длительных усилий по подрыву иранского влияния и, вероятно, направлены на разделение территории Ирана, с отсоединением северной азербайджанской части (чего добивалась Россия в 1946 году на заре эпохи холодной войны). Это — через ограничение доступа к Каспийскому морю и Центральной Азии — в целом сделает страну «слабым и беспомощным в геополитическом отношении образованием». Олсон в своем анализе также затрагивает важный аспект этой политики, который сразу не бросается в глаза: осуществление такого плана позволит ускоренными темпами создать сеть нефтяных трубопроводов с месторождений на Каспии, транзитом через Турцию к Средиземноморскому побережью, в обход Ирана{307}.

Альянс США и Турции может оказаться под вопросом, если США сумеют перенести свои военные базы с восточных турецких территорий в Ирак — прямо в сердце региона, обладающего богатейшими в мире источниками энергии. Негодование США в связи с волной демократических протестов, прокатившихся в Турции в 2002–2003 годах, может стать причиной ослабления военных и межправительственных отношений двух стран, хотя это маловероятно.

После недавнего присоединения к трехстороннему альянсу Индии и ряда других стран в сферу его влияния вошел регион Центральной Азии. Это произошло в результате прихода к власти в Индии правой Индийской народной партии в 1998 году. Курс международной политики страны резко поменялся в сторону сближения с США и Израилем и налаживания сотрудничества в военной сфере. Индийский политолог Прафул Бидуай пишет о том, что «очарованность представителей правой индусской партии постулатами сионизма объясняется их укорененной исламофобией (вместе с неприятием арабского мира) и глубоким национализмом. Постулаты сионизма находят свое яркое выражение в воинственном харизматическом поведении Ариэля Шарона и в оголтелом шовинизме. Сионисты рассматривают индусов, евреев (вместе со всем христианским миром) как „стратегических союзников“ против мусульман и конфуцианцев». В своем обращении к членам Американского еврейского комитета в Вашингтоне советник индийского правительства по вопросам национальной безопасности Прадеш Мишра призвал к созданию «триады» — союза США, Израиля и Индии, который «будет обладать достаточной

политической волей для принятия самых смелых решений» в целях борьбы с терроризмом. Как считает политолог Бидуай, «увеличение индо-израильских контактов в политической и военной сфере» дополнено координацией действий влиятельного израильского лобби и не менее влиятельных представителей Индусской национальной партии в США{308}.

Индия и Израиль являются сильными военными державами, обладают ядерным оружием и средствами его доставки, так что укрепление их сотрудничества в рамках совместного альянса служит распространению оружия массового поражения, возникновению вспышек террора и нестабильности, как в этом регионе, так и за его пределами.

ОТНОШЕНИЯ США И ИЗРАИЛЯ: ИСТОКИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Не нужно быть специалистом в области международного права, чтобы понять, что ближневосточное «осиное гнездо» не исчезнет в одночасье. После того как с окончанием Первой мировой войны мировая экономика становилась все более зависима от поставок нефти, во многих странах стала обостряться внутренняя напряженность, и именно в этот момент промышленный мир обратил внимание на неисчерпаемые нефтяные месторождения Ближнего Востока. После Второй мировой войны главным приоритетом внешней политики США стало обеспечение контроля над Ближневосточным регионом, который представлял колоссальное материальное и стратегическое значение.

К тому моменту Великобритания управляла этими территориями посредством делегирования полномочий своим местным ставленникам и осуществления надзора за их деятельностью. По собственным выражениям представителей Министерства иностранных дел Великобритании, управление на локальном уровне должно было осуществляться «под арабским фасадом» руками слабых управляемых лидеров, в то время как «присоединение» этих фактически колоний к Британской империи предполагалось «скрыть не более чем формальными конституционными документами». В целом этот механизм управления рассматривался как менее затратный по сравнению с прямым управлением. С некоторыми изменениями он успешно применялся в других уголках мира.

Однако местное население отнюдь не безропотно подчинялось такому порядку. К счастью для имперских стратегов, военно-воздушные силы стали доступным средством контроля над гражданским населением, хотя некоторые лица, к примеру Уинстон Черчилль, с энтузиазмом рассматривали возможность применения отравляющего газа для усмирения «непокорных арабов» (в первую очередь курдов и афганцев). В период между двумя мировыми войнами предпринимались попытки запретить или ограничить военные действия, но Великобритания дала четко понять, что это не имеет никакого отношения к ее имперской политике, тем самым формируя шаблон поведения для США, которые сменили ее в качестве мирового гегемона. В частности, Великобритания препятствовала любым попыткам запретить использование военно-воздушных сил против гражданского населения. Основные причины этого были кратко сформулированы Ллойдом Джорджем, который выразил свои

похвалы правительству Великобритании за то, что «оно оставило за собой право бомбить негров»{309}.

Основополагающие моральные принципы долговечны. Приведенный эпизод не является исключением.

США продолжили действовать в рамках модели политики Великобритании, включив в нее еще один уровень управления: периферийные государства, желательно неарабские, которые должны были выполнять функцию «местных полицейских сил быстрого реагирования», говоря словами сотрудников администрации президента Р. Никсона. Главный штаб полицейских сил, несомненно, оставался в Вашингтоне, с филиалом в Лондоне. Турция в этом процессе с самого начала принимала самое непосредственное и живое участие, заметную роль в 1953 году также стал играть Иран. Во главе этой страны в результате военного переворота, спровоцированного США и Великобританией, встал шах, а консервативное парламентское правительство, стремящееся установить контроль над иранскими ресурсами, оказалось свергнуто.

США более всего волновали вопросы установления контроля, нежели получения прямого доступа к ресурсам. После Второй мировой войны Северная Америка стала главной страной по уровню добычи нефти, однако прогнозировалось, что такое положение не продлится долго. Позднее главным экспортером нефти в США стала Венесуэла. По оценкам разведки США, в качестве основных регионов поставки энергоресурсов необходимо рассматривать бассейн Атлантического океана в Западном полушарии и район Западной Африки, экспорт энергоресурсов оттуда был во многих отношениях более надежным и стабильным в сравнении с Ближним Востоком{310}. Однако на протяжении всего послевоенного периода эти аргументы не повлияли на стремление США контролировать данный регион.

Руководство за перераспределением ценнейших материальных благ Персидского залива обеспечило энергетическим корпорациям США и Великобритании монопольное право получения колоссальной прибыли. Сверхприбыль стимулировала бурный экономический рост США и Великобритании в различных сферах, в том числе посредством финансирования производства военной техники (высокотехнологичного производства в целом), строительных проектов, увеличения инвестирования в акции государственных предприятий. Использование «громادного стратегического потенциала региона» стало средством достижения глобального доминирования. Все это прекрасно осознавали главные архитекторы послевоенного мира, и эти факторы по-прежнему сохраняют свою актуальность. Разведывательные службы США считают, что стратегическая значимость энергетических ресурсов Персидского залива в ближайшие годы будет неуклонно возрастать{311}, этим объясняется столь сильное стремление контролировать регион, вне зависимости, будут США испытывать в дальнейшем потребность в его ресурсах или нет.

Глобальная сеть военных баз, от Тихого океана до Азорских островов, создавалась в немалой степени именно для проведения военных операций в районе Персидского залива. За деятельностью США по подавлению недовольств и свержению местной власти в Греции и Италии в 1940 году были скрыты далеко идущие цели обеспечения беспрепятственной транспортировки нефти с Ближнего Востока на Запад. К настоящему моменту система

американских военных баз распространилась на страны бывшего советского блока — Румынию и Болгарию. Со времени президентства Дж. Картера деятельность наиболее боеспособных частей зарубежного контингента американских вооруженных сил была направлена на обеспечение различных операций в зоне Персидского залива.

До недавнего времени наиболее пригодным пунктом для размещения сил США в этом районе была военная база Великобритании на острове Диего Гарсия, с которого были выселены все его гражданские обитатели. США, в обход судебных решений Великобритании{312}, до сих пор отказывают им в праве вернуться, по сути, в свои дома. Об этом мало известно в самих США, что очень напоминает ситуацию на острове Окинава. В результате афганской военной операции США приобрели военные базы в Афганистане и Центральной Азии, тем самым все дальше претворяя в жизнь свой «грандиозный план» по обеспечению доступа американским корпорациям к нефтеносным центрально-азиатским районам, а также замыкая кольцо вокруг стран Персидского залива, которые представляли первостепенную важность для американских интересов. Велось множество обсуждений, объединенных общей идеей о том, что главной задачей военной операции в Ираке является создание полноценной военной базы в самом сердце нефтеносного региона. В конечном счете по окончании операции эта идея получила официальное подтверждение{313}.

Другие вероятные цели проведения вооруженного вторжения в Ирак также стали доступны для публики только после завершения военной фазы иракской операции. Боб Герберт так прокомментировал эту ситуацию: «Нефть и финансовые средства — вот две основные темы, которые никогда открыто и публично в США не обсуждались. Эти важные вопросы были отданы на откуп различным мастерам закулисной политической борьбы, и теперь многие из них уже подсчитывают свои барыши»{314}.

Отношения США и Израиля развиваются примерно в таком же контексте{315}. В 1948 году сотрудники Генерального штаба США выражали свое восхищение доблестью израильских вооруженных сил, оценивая военный потенциал этой страны как второй по значимости в регионе после Турции. Стратеги Генерального штаба полагали, что Израиль может оказать содействие США в деле «утверждения их преобладающей позиции на Ближнем Востоке» после ухода из региона Великобритании. Десять лет спустя эти соображения приобрели конкретное значение.

1958 год был ознаменован знаковыми событиями в развитии международных отношений. В администрации президента Эйзенхауэра были определены три ключевых конфликта, произошедших в данный период: в Индонезии, Северной Африке и на Ближнем Востоке. Все эти ситуации разворачивались вокруг добычи нефти при участии исламских политических сил, которые к тому моменту стали играть заметную роль в светской жизни.

Президент Эйзенхауэр и его госсекретарь Даллес подчеркивали, что ни в одном из конфликтов не было замечено участия СССР. В основе их лежала трудноразрешимая проблема — «радикальный национализм». В Северной Африке, где обеспокоенность вызывала борьба Алжира за независимость, США искали возможности наиболее скорого урегулирования. В Индонезии виной всему считался президент Сукарно, который представлял ненавистное США движение неприсоединения и позволил местным

демократическим силам бурно развиваться: при нем в стране значительное влияние приобрела народная партия, отстаивающая интересы бедных крестьян. На Ближнем Востоке главным злодеем оказался Гамаль Абдель Насер, о котором не на шутку перепуганные представители США и Великобритании отзывались не иначе как о «новом Гитлере». Насер также был одним из лидеров движения неприсоединения, и его авторитет, что вызывало большие опасения, мог служить ярким примером для многих стран, выбравших для себя путь независимости. Эти опасения получили реальное подтверждение, после того как в 1958 году в Ираке произошел государственный переворот, вдохновителем которого, считалось, был не кто иной, как Насер, а в результате было свергнуто британское правительство. Отзвуки событий тех лет раздаются до сих пор.

Переворот в Ираке заставил США и Великобританию глубоко задуматься. Эксперты полагали, что Кувейт выразит желание обрести независимость и таким же настроениям может оказаться подвержена Саудовская Аравия. Британская экономика в значительной мере зависела от нефтяных промыслов в Кувейте и связанных с этим инвестиций. Власти Великобритании решили предоставить Кувейту номинально независимый статус, однако, как объяснял британский министр иностранных дел Селуин Ллойд: «При этом мы должны оставить за собой право незамедлительного вмешательства в случае кризисной ситуации, вне зависимости от того, какая сторона будет являться виновником сложившихся обстоятельств». США заняли такую же позицию в отношении Саудовской Аравии и других стран Персидского залива. Для предотвращения появившейся в Ливане угрозы подъема волны национализма и в целях обеспечения безопасности ближневосточных магистралей транспортировки нефти правительство Эйзенхауэра направило в страну свои вооруженные силы. Эйзенхауэр повторил свои опасения в связи с необходимостью поддержания контроля «в самом стратегически важном, с точки зрения положения и концентрации ресурсов, регионе мира». Он высказал мысль, что утрата США своего влияния на Ближнем Востоке «будет иметь худшие последствия, нежели потеря Китая» — это рассматривалось как наибольший провал в американской внешней политике после Второй мировой войны{316}.

Другой страной, находящейся в зоне особого внимания США, была Иордания, которая, что вызывало большие опасения, могла попасть под пагубное влияние египетского руководства во главе с Насером, и где в тот момент находилась основная военная база британских вооруженных сил. Израиль тесно сотрудничал с Великобританией, чтобы поддержать необходимую степень управляемости района. Вашингтон признал, что Израиль был единственной страной в регионе, которая продемонстрировала готовность идти на риски для «нормализации ситуации на Ближнем Востоке». В меморандуме Совета по национальной безопасности США содержалась рекомендация о том, что «если мы принимаем решение бороться с проявлениями радикального арабского национализма, а также стремимся контролировать нефтяные промыслы Персидского залива, с применением силы, если потребуется, то логичным шагом будет оказание поддержки как единственной дееспособной прозападной державе, оставшейся на Ближнем Востоке», наравне с Турцией и Ираном, которые, впрочем, являются более периферийными{317}. В это самое время в 1958 году были установлены отношения между Турцией и Израилем после визита в Турцию израильского премьер-министра Давида Бен-Гуриона. К 2000 году, пишет Эфраим Инбар, израильско-турецкие отношения «по своей теплоте уступали лишь отношениям Израиля и США»{318}.

В 1967 году американо-израильский альянс был окончательно сформирован. Израиль ликвидировал угрозу в лице Насера, поддержав тем самым «видимость порядка» на Аравийском полуострове, а также нанес сокрушительный удар силам неприсоединения. США расценили эти действия как главный вклад в укрепление собственного влияния. В этой связи наметился также интересный сдвиг на идеологическом поле — это важная тема, которую мне не придется затронуть в данной работе{319}.

Вернемся к указанным трем основным кризисам 1958 года. С окончанием войны 1967 года была преодолена опасность подъема арабского национализма на Ближнем Востоке. Кризис в Северной Африке привел к обретению независимости Алжиром{320}. Кризис в Индонезии вылился в кровавую бойню, от которой в основном страдало крестьянство, оставшееся без земельных наделов. ЦРУ описывало эти события как наиболее масштабные массовые репрессии XX века, по количеству жертв сопоставимые с режимами Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна. «Ужасающие массовые казни», как писала о них газета «Нью-Йорк таймс», были бурно встречены Западом, погрузившимся в эйфорию. Эти события положили конец деятельности массовой политической партии бедных слоев индонезийского населения и открыли доступ для притока иностранных инвестиций в страну. На Ближнем Востоке были уничтожены главные силы движения неприсоединения. В чем-то похожие процессы разворачивались в Латинской Америке и, в гораздо меньшей степени, в Индии — в этом последнем оплоте движения неприсоединения. Везде США играли если не ключевую роль, то, по крайней мере, принимали самое активное участие. Они стали глобальной державой, какой была до этого Великобритания. При рассмотрении политической ситуации в любом конкретном регионе не стоит забывать, что центром глобального политического планирования является Вашингтон.

Возвратимся, однако, к ближневосточной истории. В 1970 году Израиль оказал США еще одну неоценимую услугу: он предотвратил попытки Сирии осуществить военное вторжение на территорию Иордании с целью защитить местное палестинское население, которое там подвергалось жестоким репрессиям. После этого поставки материальной помощи Израилю из США увеличились в четыре раза. Представители американской разведки вместе с такими влиятельными политическими фигурами, занимающимися ближневосточной проблематикой, как сенатор Генри Джексон, рассматривали гипотетический альянс Израиля, Ирана и Саудовской Аравии с Турцией в качестве блока в прочный фундамент укрепления влияния США в регионе.

В 1979 году, после того как в Иране произошла смена власти и шах покинул страну, альянс Израиля и Турции стал выполнять функции главного центра проамериканских сил в регионе. На смену шаху был выбран режим Саддама Хусейна в Ираке, который в 1982 году администрация Р. Рейгана исключила из списков международных террористических государств с тем, чтобы США могли беспрепятственно оказывать поддержку тирану.

Внешнеполитические ориентиры Израиля на протяжении последних тридцати лет значительно ограничили его возможности для выбора. В настоящее время у него практически нет другой альтернативы, кроме как обслуживать интересы США и выполнять функцию американской военной базы в регионе. Выбор стоял перед израильским руководством в 1971 году, когда президент Египта Анвар Садат согласился подписать

мирный договор в обмен на вывод израильских войск с территории Египта. Садат не смог ничего предложить палестинцам и не включил в текст мирного соглашения упоминание об оккупированных территориях. В своих мемуарах Ицхак Раббин, который тогда был израильским послом в США, охарактеризовал «знаменитую» совместную инициативу как «важный этап» на пути мирного урегулирования. Но при этом был и один «неприятный момент»: условие о выводе Израилем своих войск с территории Египта, закрепленное в ключевом американском внешнеполитическом и международном дипломатическом документе — в Резолюции № 242, принятой в ноябре 1967 года.

Израилю необходимо было принять судьбоносное решение: либо согласиться на мирное урегулирование и наращивание интеграции в регионе, либо настаивать на продолжении конфронтации. В этом случае Израиль неизбежно оказался бы в еще большей зависимости от США. Он выбрал вторую альтернативу, причем не из соображений безопасности, а с учетом потребности в осуществлении региональной экспансии. Об этом ясно свидетельствуют многие израильские источники. Генерал Хаим Бар-Лев, ключевая фигура правящей лейбористской партии, выражал общую позицию, когда написал в газете своей партии следующее: «Мы можем достичь мира, но, я полагаю, мы больше выиграем, если воздержимся от этого». Говоря так, он имел в виду приобретение северо-восточной части Синайского полуострова, которая представляла в тот момент первостепенную значимость для израильского руководства. Оттуда в период конфликта были грубейшим образом выселены все местные жители, и там планировалось создать город Йамит с полностью еврейским населением. В 1972 году генерал Эзэр Вэйсмэн, позднее ставший президентом Израиля, добавил: политическое урегулирование без расширения израильской территории означает, что Израиль не может «существовать сообразно своему масштабу, духу и новым качествам, которыми он теперь обладает».

На этот важный вопрос ответ предстояло найти Вашингтону. После некоторых внутренних дискуссий американское руководство отказалось от своего прежнего курса в пользу принципа «патового решения», сформулированного Г. Киссинджером, суть которого сводилась к прекращению всех дипломатических усилий и использованию исключительно силовых мер. Необходимо напомнить, что в этот период внешняя политика США воспринималась главным образом в триумфальном ключе, о чем позднее Израиль будет жалеть. После 1967 года США и Израиль принимали как должное отсутствие какой-либо угрозы со стороны арабского мира. Мирный договор, подписанный Египтом, отнюдь не так «знаменит» в США, скорее, о нем мало кто знает, точнее, о реальном положении вещей, которое не вписывается в рамки официальной идеологизированной версии.

Садат по-прежнему надеялся на уступки США, предпринимая для этого различные шаги, в том числе выпроводив из страны всех советников из СССР. Он всячески подчеркивал: «Стремление Израиля создать Йамит приведет в войне». Но его никто не воспринимал всерьез. В 1973 году он развязал войну, которая крайне тяжело далась Израилю и едва не привела к втягиванию США в конфликт с применением ядерного оружия. Г. Киссинджер пришел к пониманию того, что с Египтом необходимо считаться, и предпринял шаги, впоследствии названные «челночной демократией», которые в конечном счете привели к мирному урегулированию 1978–1979 годов в Кэмп-Дэвиде. Тогда США и Израиль приняли предложения Анвара Садата, выдвинутые им еще в 1971 году, однако уже на менее

выгодных для них условиях. В тот момент палестинский вопрос стал настоящей международной проблемой, и Садат вместе с остальным миром принялся отстаивать права палестинского народа.

Все эти события провозглашаются как дипломатический триумф США. Президент Дж. Картер получил Нобелевскую премию за деятельность по укреплению мира на Ближнем Востоке. На самом деле вся эта ситуация была скорее провалом дипломатии. Решение США и Израиля применить силу в обход дипломатических механизмов привело к ужасной войне, гибели многих людей и конфронтации мировых сверхдержав, последствия которой могли быть непредсказуемыми. Однако мы знаем, что одной из прерогатив сильной власти является способность переписывать историю, не опасаясь, что у кого-то это вызовет возмущение. По этой причине катастрофические события тех лет вошли в историю как момент великого триумфа США, возглавивших «процесс мирного урегулирования».

Израильское руководство осознало, что после устранения препятствия в лице арабских националистов оно может начать экспансию на оккупированных территориях, а также начать борьбу со своим северным соседом, что оно и делало в 1978 и 1982 годах. В результате этих действий Израиль сумел установить более чем двадцатилетний оккупационный режим на территории Ливана. Конфликт 1982 года унес жизни 20 000 человек; по данным ливанской стороны, в последующие годы в зоне конфликта погибло около 25 000 человек. Данные факты не вызывали беспокойства у руководителей западных стран, поскольку они были уверены, что эти преступления, в которых они, несомненно, виноваты, не только никто не станет расследовать, но что они останутся полностью безнаказанными.

После того как за неоднократными бомбежками и другого рода провокациями не последовало ожидаемой реакции, которая должна была послужить поводом к началу военного вторжения в Ливан в 1982 году, Израиль для оправдания ввода войск на ливанскую территорию довольствовался покушением на своего посла в Лондоне, совершенным террористической группой во главе с Абу Нидалем. Примечательно, что к тому моменту Нидаль уже был приговорен к смерти Организацией освобождения Палестины и на протяжении нескольких лет находился с ней в состоянии конфронтации. Использование этого предлога отвечало интересам американских властей, поддерживавших проведение ответных мер: нападение на лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила в Бейруте, в ходе которого, по оценкам одного авторитетного американского эксперта, погибло 200 человек{321}. Попытки ООН прекратить кровопролитие были заблокированы США, которые применили свое право вето при голосовании данных вопросов. В дальнейшем в течение восемнадцати лет продолжалась череда подобных убийств и насилия со стороны израильских сил в Ливане, причем во всех случаях едва ли это было продиктовано интересами самообороны{322}.

Руководитель Генерального штаба Израиля Рафаэль («Рафул») Эитан выразил общую позицию, царившую в правительственных кругах Израиля. Он заявил, что военная операция 1982 года была успешной, так как она позволила ослабить «политический статус» Организации освобождения Палестины и подорвала ее деятельность по созданию независимого Палестинского государства. Ведущие представители американской

интеллигенции и экспертного сообщества приветствовали «политическое фиаско» Организации освобождения Палестины, в чем, по их мнению, заключалась главная цель военной операции, которую они окрестили «справедливой войной» (Майкл Уолцер){323}. В своем большинстве общественные дискуссии, материалы в прессе основаны на различного рода вымыслах о внезапных ракетных ударах по беззащитным израильским жителям, хотя сегодня довольно часто можно услышать гораздо более правдоподобные версии событий тех лет. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Беннет пишет, что главная цель военного вторжения 1982 года «заключалась в установлении лояльного режима власти и уничтожении Организации освобождения Палестины во главе с г-ном Арафатом. По замыслу это должно было убедить палестинцев признать главенство Израиля на территориях западного берега реки Иордан и в секторе Газа»{324}. Насколько я знаю, это первое открытое признание в том, что на протяжении двадцати лет прекрасно знали в Израиле и о чем в США говорили между собой только самые маргинализированные диссиденты. В то же время конфликт 1982 года служит ярким примером откровенного международного терроризма, если не более тяжелой формой преступления, следы которого ведут в Вашингтон, обеспечивший всю необходимую экономическую, военную и дипломатическую поддержку этого военного столкновения. Без одобрения и поддержки США Израиль вряд ли добился бы столь ощутимых результатов. В арабских странах и повсеместно существует масса заблуждений на этот счет. Согласитесь, неразумно жить иллюзиями, особенно если вы стали жертвой международной агрессии.

К середине 1970-х годов в дипломатических кругах усилилась изоляция США и Израиля, по мере того как события вокруг палестинского вопроса придавались огласке. В 1976 году, при рассмотрении в ООН решения о предоставлении палестинскому народу права на образование независимого государства в соответствии с положениями Резолюции № 242 от 1967 года, США заблокировали его принятие, применив свое право вето. С того момента и по сей день США препятствуют любой возможности дипломатического урегулирования палестинского вопроса в рамках, приемлемых практически всем международным сообществом — двустороннее урегулирование при международном посредничестве с «минимальными и взаимными уступками». К этим требованиям сводились лишь официальные заявления, но отнюдь не конкретная политика США, до того как администрация Клинтона окончательно не отказалась от формата дипломатического урегулирования, объявив резолюции ООН «устаревшими и анахроничными».

Не приходится говорить о том, что позиция американского руководства в этом отношении не находит отклика среди большей части американского населения. Большинство американцев поддерживают «план Саудовской Аравии», предложенный в начале 2002 года и одобренный Лигой арабских государств. Она, в свою очередь, согласилась на полное признание и интеграцию Израиля с остальными государствами региона в обмен на возвращение к границам 1967 года. Однако эта ситуация стала еще одним свидетельством нежелания США поддержать решение, которое на протяжении длительного времени представляется абсолютно приемлемым для всего международного сообщества. Жители многих стран разделяют мнение о том, что США в рамках условленных международных договоренностей должны осуществлять поддержку в равной степени израильтянам и палестинцам, а также отказывать в помощи любой стороне, которая не желает участвовать в переговорном процессе. В данном случае предполагается, что США следует отказать в

поддержке Израилю. Но при этом мало кто понимает, что может скрываться за каждым из этих решений. В целом эти вопросы практически не фигурируют в публичных дискуссиях различных стран{325}.

После окончания войны в Персидском заливе Вашингтон почувствовал, что теперь может навязывать любые необходимые ему условия. Несмотря на то что планы США 1991 года в отношении урегулирования палестинского вопроса не были воплощены в жизнь, они значительно продвинулись вперед по сравнению с позицией администрации США 1989 года. Тогда предполагалось безоговорочно придерживаться плана израильского коалиционного правительства (Шамира-Переса), согласно которому исключалась возможность «создания еще одного Палестинского государства» (израильское руководство считало, что Иордания это и есть то самое «Палестинское государство»). Дальнейшая судьба террористов должна определяться «в соответствии с существующими в правительстве [Израиля] принципами». Вашингтон созвал конференцию в Мадриде с участием России, чтобы создать хоть какую-то видимость многостороннего международного участия в решении этих важных вопросов.

Конференция не обошлась без скандалов. Во главе палестинской делегации приехал Гейдар Абд аль-Шафи, консервативный националист, известный своим последовательным отстаиванием необходимости региональной интеграции, и одна из наиболее авторитетных фигур в палестинском руководстве. После того как представители США и Израиля не приняли и даже не рассмотрели всерьез предложения делегации Палестины, она выразила несогласие с условиями плана заселения оккупированных территорий, на котором настаивали израильские представители, и тем самым заблокировала переговорный процесс. Осознавая, что теряет свое влияние среди палестинской диаспоры, Ясир Арафат, невзирая на решения палестинской делегации на международной конференции в Мадриде, начал секретные переговоры с Израилем, вылившиеся в «переговорный процесс в Осло». Его открытие официально состоялось в торжественной обстановке в Белом доме (сентябрь 1993 года). Формулировки в тексте соглашений, подписанных в Осло, говорят о том, что они развязали Израилю руки для реализации приемлемого для него плана урегулирования ситуации и объединения разрозненных поселений, о чем израильское руководство (Ицхак Рабин и Шимон Перес) впоследствии открыто заявляло. Именно в связи с этими причинами Гейдар Абд аль-Шафи отказался в дальнейшем иметь какое-либо отношение к процессу мирного урегулирования{326}.

На протяжении 1990-х годов ситуация мало чем изменилась. Израиль планомерно продолжал объединение разрозненных поселений и своих территорий, пользуясь при этом полной поддержкой США. В 2000 году, в конце президентского срока Б. Клинтона (и израильского премьер-министра Эхуда Барака), заселение израильянами оккупированных территорий велось наиболее бурными темпами за весь период с 1992 года, что сводило к минимуму все шансы на мирное урегулирование конфликтной ситуации.

Второй «Кэмп-Дэвид» и другие соглашения: попытка установить «долговременную неоколониальную зависимость»

Односторонний характер действий США и Израиля прослеживался на протяжении всего переговорного процесса в Кэмп-Дэвиде в 2000 году. Б. Клинтон и Э. Барак пытались произвести впечатление «великодушных» хозяев положения, которые пошли на беспрецедентную с их стороны «щедрость», в то время как вероломные палестинцы отвергли сделанные им предложения и избрали путь насилия. Ситуация становится более доступной пониманию, если взглянуть на один незначительный, казалось бы, пример — составление карт вероятного территориального распределения поселений. Варианты таких территориальных планов не фигурировали в американских СМИ, а отдельные предложения обсуждались разве что только в научных изданиях и диссидентских кругах. Исходя из имеющихся картосхем территориального размещения поселений становится ясным решение Клинтона и Барака фактически разделить территории западного берега реки Иордан на три округа, которые отделяют друг от друга две зоны с крупными еврейскими поселениями и их необходимой инфраструктурой. Эти три округа имеют ограниченный доступ к Восточному Иерусалиму — центру коммерческой, культурной и политической жизни Палестины. Все округа отделены от сектора Газа.

Конечно же, это было трудно назвать сдвигом в сложившейся ситуации, при том, что палестинское население было разбросано по отдельным 200 округам на территории в несколько квадратных километров, а ситуация в секторе Газа во многих отношениях значительно ухудшилась.

Вскоре после того, как Шломо Бен-Ами, которого считали сторонником примирения в среде израильской политической элиты, вошел в состав правительства Барака и возглавил переговорный процесс в Кэмп-Дэвиде, он опубликовал научное исследование, где в качестве основной цели «мирного процесса» в Осло обозначил установление «долговременной неокOLONиальной зависимости» для палестинского народа{327}. В этом состояла суть нововведений, предложенных на втором «Кэмп-Дэвиде».

В государственных израильских газетах появлялись материалы с картосхемами размещения жилых поселений, которые были основаны на моделях, использованных сорок лет назад в Южной Африке при размещении поселений бантустанских племен. Многие авторитетные эксперты сообщали, что южноафриканская модель всерьез рассматривалась в верховных военных и политических эшелонах власти на протяжении 1970-х и 1980-х годов и сохранила прежнюю актуальность в настоящее время{328}. Израиль вообще считал ЮАР ценным союзником, США также разделяли это мнение в период правления Р. Рейгана.

После провала кэмп-дэвидского переговорного процесса 2000 года поиски возможных способов договориться не прекратились. Эти попытки привели к проведению серии встреч на высшем уровне (но неофициальных) в Табе в Египте (январь 2001 года). Казалось, что в ходе этих встреч наметился какой-то прогресс, хотя прежние разногласия по поводу решения территориальных споров не были устранены, они приобрели менее резкие формы. Существует подробное описание хода мирных переговоров в Табе, изложенное в докладе наблюдателя от Европейского Союза Мигеля Моратиноса, с формой изложения которого согласись обе стороны данного процесса{329}. Основные разногласия не полностью преодолены, но их степень значительно снизилась. По вопросу территорий на западном берегу было достигнуто согласие на основе давнего международного консенсуса об

установлении границ поселений с «минимальными и обоюдными уступками». Впрочем, в современной версии уступки не были такими уж минимальными, поскольку в ходе реализации положений договоренностей в Осло Израиль при поддержке США значительно расширил территории своих поселений.

Участники переговоров в Табе от палестинской стороны согласились с объединением сильно разросшихся за последние годы израильских поселений с Иерусалимом, но взамен потребовали соответствующее согласие Израиля и двусторонний обмен территориями по схеме «один к одному». Это, кстати, было поддержано израильскими «ястребами», которые давно выступали за переселение израильских арабов за пределы своей страны, что позволило бы решить «демографическую проблему» — слишком много неевреев в еврейском государстве — вызывавшую сильное беспокойство. Тем не менее, израильская сторона настаивала на обмене территориями по схеме «два к одному» в свою пользу, в рамках которой предполагалось предоставление палестинцам малопривлекательных пустынных земель на Синайском полуострове. Объектом главного территориального спора оставался город Маалех Адумим на востоке от Иерусалима и зоны с развитой инфраструктурой, созданные Израилем преимущественно в течение 1990-х годов на оккупированных территориях с явным намерением разделения района западного берега реки Иордан на две части. Эти и многие другие вопросы остались нерешенными в ходе проведенных переговоров. Однако, пожалуй, можно согласиться с утверждением Акива Элдара о том, что в ходе этого раунда процесса мирного урегулирования были достигнуты многообещающие сдвиги в ситуации, пусть его решения и не оказались закреплены формально.

Перед началом предвыборной кампании в Израиле Э. Барак прекратил переговоры, которые из-за опасений подъема волны насилия в регионе больше не возобновлялись, так что не известно, к чему они могли бы привести.

Ключевые моменты этого этапа мирного урегулирования зафиксировали Хусейн Агха и Роберт Малли — авторитетные специалисты из журнала «Форейн аффэйрз» {330}. При тщательном анализе ситуации они пришли к выводу, что «к настоящему моменту наметились главные направления урегулирования»: разделение территорий с демаркацией международных границ при равноценном обмене участками земли. Они также отметили, что «определение общего способа разрешения конфликтной ситуации не было сформулировано ни одной стороной переговоров с самого их начала». Впрочем, несмотря на свою точность, данный аргумент может привести к неправильному пониманию сути происходивших событий. Попытки формирования такого общего подхода к процессу урегулирования всячески блокировались США на протяжении двадцати пяти лет и отвергались израильским руководством, включая самую миролюбивую его часть, о чем свидетельствуют материалы, подготовленные М. Моратиносом.

Перспективы мирного урегулирования палестино-израильских отношений оказались под еще большим вопросом в период правления Дж. Буша-II и Ариэля Шарона. Пользуясь поддержкой США, Израиль продолжил реализацию своих программ расширения и обустройства поселений. Израильская правозащитная организации «Бтселем» наконец смогла получить доступ к правительственным картам размещения израильских

поселений{331}. В настоящий момент еврейские поселения сосредоточены на 42 процентах территории западного берега реки Иордан. К примеру, границы города Маалех Адумим растянулись от района Большого Иерусалима практически до границ изолированного палестинского города Иерихон — крупного жилого массива, который ограничивает доступ в южные районы западного берега реки Иордан. Также по-прежнему существует другой массив в северной части этих территорий, отделяющий северный от центрального сектора западнорбережного района. В результате получается предложенная израильянами ранее схема разделения территорий западного берега на три сектора, каждый из которых изолирован от небольшого палестинского района Восточного Иерусалима и, конечно же, от сектора Газа, чья участь также предрешена.

Джеффри Аронсон, главный редактор американского научного издания, посвященного вопросам поселений и населенных пунктов, после своего визита в южные районы западного берега реки Иордан так описывал ситуацию, сложившуюся там к 2003 год{332}: «Практически в каждом израильском поселении увеличивается динамика освоения и колонизации близлежащих территорий», что приводит к «революционным изменениям в способах организации транспортной системы и обеспечения доступа к жилым кварталам». Эти изменения способствуют «консолидации усилий Израиля, направленных на установление контроля над этими территориями, интегрированными между собой в экспансивно развивающуюся систему территориального устройства Израиля». «Напротив, динамика развития палестинских поселений свидетельствует о ровно противоположной тенденции — повсеместно все чаще появляются баррикады, блокпосты. Усилено патрулирование дорог, введен режим ограничений для доступа в другие кварталы городов и поселений, в соседние поселения, что затрудняет доступ к местам работы людей. В целом все это препятствует нормализации мирной жизни и ведет к резкому снижению уровня благосостояния целого национального сообщества».

Чтобы понять позицию администрации Дж. Буша в отношении ситуации в 2003 году, необходимо проследить риторику официальных заявлений и конкретные действия. Что касается риторики заявлений, то здесь важно «видение ситуации» в отношении Палестинского государства самим Бушем, а также разработанная при участии США так называемая «Дорожная карта». На самом деле администрация Буша неоднократно блокировала принятие «Дорожной карты», разработанной международным «квartetом» (ЕС, ООН, Россия, США), что вызывало значительное негодование всего международного сообщества. У Буша не было четкого видения способов выхода из сложившейся ситуации даже после окончательного принятия «Дорожной карты», которое сопровождалось вялыми его заявлениями: «„Дорожная карта“ представляет план создания двух государств с учетом общего видения того, как это должно произойти... видения, суть которого я изложил 24 июля 2002 года». Это была блеклая и несвязная версия того способа урегулирования, воплощению которого США препятствовали на протяжении последней четверти века{333}.

Первые шаги на пути реализации «Дорожной карты» очевидны: палестинцы должны немедленно прекратить сопротивление оккупации, что включает нападения на израильских солдат на оккупированных территориях, а Израиль должен подтвердить свое принципиальное согласие следовать плану «создания двух государств... описанному Дж. Бушем», суть которого, впрочем, не совсем ясна. «По мере реализации плана мирного

урегулирования силы обороны Израиля должны покинуть территории, занятые ими с сентября 2000 года, и, таким образом, восстановится былой статус-кво», существовавший до 2000 года. Гарантии соблюдения плана реализации «Дорожной карты» обеспечат США и Израиль. «Статус-кво», который предполагается восстановить, заключается в том, что палестинским жителям отводится несколько сотен зон для проживания, окруженных созданными военными силами оккупации поселениями со всей необходимой инфраструктурой. Будущее этих поселений остается непонятным. Израиль «незамедлительно ликвидирует свои отдаленные поселения, созданные после марта 2001 года», с чем согласились практически все представители ультраправых сил. Некоторое время оставалось непонятным, собирается ли Израиль «свернуть всю свою деятельность по созданию новых поселений (включая корректировку градостроительных программ)». До этого поселения свободно развивались, а их территория расширялась. Если действительно когда-нибудь настанет момент «свернуть эти программы», то, вероятно, проведение мероприятий в рамках модели ЮАР, как это было на протяжении 1990-х годов в ходе американо-израильских «мирных инициатив», продолжится уже в контексте реализации «Дорожной карты».

Впоследствии все равно придется «для обеспечения максимально возможной территориальной целостности [Палестинского государства], включая преобразование существующих поселений, выполнить ранее достигнутые договоренности». Не ясно, как будет осуществляться это «преобразование». Также нет ни одной ранее принятой договоренности, закрепляющей «территориальную целостность». Единственные важные предложения, которые были сделаны за последнее время, сейчас никем не рассматриваются. Каким бы ни было «видение» Дж. Бушем возможных путей создания двух равноценных государств, оно кардинально расходится с аналогичными предложениями, которые поддерживает практически весь остальной мир и которые США так упорно блокируют с середины 1970-х годов.

Позиция руководства США не совпадает с основными положениями плана мирного урегулирования, предложенного Саудовской Аравией. Этот план был поддержан Лигой арабских государств и подавляющим большинством американского населения. Мнение США не согласуется с «главными направлениями урегулирования, сформулированными к настоящему моменту», описанными в исследовании Х. Агха и Р. Малли. Вероятно, Дж. Буш решил разработать свой вариант ближневосточного мирного урегулирования, отличный от всех известных миру предложений в этом направлении{334}.

Более того, несмотря на внезапное и резкое ужесточение условий реализации «Дорожной карты» для палестинской стороны, не предполагалось никакого ужесточения условий для поддержанных США израильских программ развития поселений. Тому есть масса свидетельств, и вряд ли стоит ожидать каких-либо изменений в этой связи.

Хотя политические мотивы, лежащие в основе разработки «Дорожной карты», остаются до конца не ясными, отдельные ее требования и положения более чем скрупулезно прописаны. Предоставление США значительного транша финансовой помощи Израилю впервые обусловлено выполнением израильской стороной конкретных требований. Они не связаны с выполнением условий «Дорожной карты», а зависят от соблюдения плана экономических

преобразований, которые направлены на «сокращение количества рабочих мест в государственном секторе, уменьшение зарплаты госслужащих, снижение уровня налогового бремени». Эти меры реализовывались параллельно с выполнением «экономической „Дорожной карты“». Одна из главных израильских газет описывала эти меры как «новый подход... согласно которому США открыто навязывали Израилю неолиберальный порядок», что было с воодушевлением встречено израильским бизнесом, но моментально спровоцировало забастовку 700 000 служащих{335}.

Также вполне реальны были попытки «создания конкретных примеров», как это обычно бывает, еще до окончательного согласования всех вопросов по реализации положений «Дорожной карты». Одной из таких инициатив стало возведение «разделительной стены», в результате чего некоторые районы западного берега реки Иордан оказались присоединенными к израильским территориям. В основе решения о создании этого искусственного барьера, как объяснялось, лежали мотивы обеспечения безопасности, впрочем, скорее для израильтян, нежели для палестинцев, которые испытывали значительные трудности в этом отношении. К тому же естественные, природные барьеры позволяли не менее эффективно ее поддерживать. Полную безопасность должна была обеспечить другая стена, отстоящая от первой на несколько километров в глубь израильской территории, с тем чтобы Армия обороны Израиля могла осуществлять патрулирование по обе стороны.

Эти предложения необдуманны, поскольку не содержат мер по поддержанию порядка на палестинских территориях внутри Израиля, что чревато большими рисками для израильтян, а не палестинцев. В докладе, подготовленном при поддержке Всемирного банка, содержались выводы о том, что в результате строительства разделительной стены более 100 000 палестинцев окажутся изолированы на внутренних территориях Израиля, а также на израильской части останутся «наиболее плодородные сельскохозяйственные земли западного берега реки Иордан». К тому же возведение стены позволит Израилю контролировать жизненно необходимые в данном районе водоносные источники. Один из городов на западном берегу реки Иордан, Калькилья, который вскоре, вероятно, войдет в состав «жизнеспособного» Палестинского государства с его «территориальной целостностью», к настоящему моменту уже окружен стеной. Тем самым он отрезан от близлежащих сельскохозяйственных угодий и получает лишь 30 процентов всего необходимого водоснабжения. Сообщается, что более половины всех земель Калькильи, пригодных для земледелия, отошли к Израилю за «необычайно щедрое» вознаграждение — разовую выплату суммы, равной рыночной стоимости урожая, собранного на этих землях за один год{336}.

Сразу же после визита К. Пауэлла в Израиль, в ходе которого обсуждались текущие вопросы реализации «Дорожной карты», премьер-министр Ариэль Шарон объявил, что строительство разделительной стены продолжится к югу от Калькильи. Стена протянется на восток, с тем чтобы окружить израильские поселения Ариэль и Эммануэль, отделяя, таким образом, друг от друга палестинские анклав, расположенные на севере и в центральной части, между которыми будет находиться зона израильских поселений со своей инфраструктурой. В точности, как предполагал план Клинтона-Барак, принятый в Кэмп-Дэвиде. Можно не сомневаться, что эта израильская зона, изолирующая друг от друга палестинские

поселения, будет каким-нибудь способом включена в состав единой территории Израиля. Не вызывает сомнения и то, что израильские общины, которые в данный момент остались за пределами разделительной стены, впоследствии, несомненно, вернут себе свой статус и войдут в состав Израиля посредством развитой сети инфраструктуры, неприкосновенность которой обеспечит Армия обороны Израиля, и продолжат свое расширение, пока им не помешает какая-либо сила извне.

Специалист по ближневосточной тематике из Гарвардского университета Сара Рой, основывая свои выводы на собственных материалах, пишет, что на первом этапе строительства северной части стены, по подсчетам Всемирного банка, «232 000 человек из 72 общин окажутся в бедственном положении» и «140 000, живущих к востоку от разделительной стены, будут, по сути, ею окружены». Завершение строительства «может привести к изоляции около 250 000-300 000 палестинских жителей» и к переходу «10 процентов территории западного берега реки Иордан к Израилю». С. Рой предположила, что «строительство стены спроектировано таким образом, чтобы окружить 42 процента (или менее того) территории западного берега реки Иордан, которые А. Шарон намерен уступить для создания Палестинского государства». В таком случае А. Шарон, должно быть, реализует план действий, предложенный им еще в 1992 году, признавая, что с изменением расстановки политических сил в сторону крайнего национализма поменялось и восприятие проблемы. То, что казалось смелым шагом тогда, теперь можно представить как существенную уступку{337}.

«Конкретные примеры преобразований, — полагает израильская журналистка Амира Хасс, — позволяют определять сейчас и в дальнейшем районы, где будет реализовываться „Дорожная карта“ и где будет создано единое образование, которое мы называем „Палестинским государством“».

“ Посещение стройплощадок, где специалисты Комиссии по государственным проектам, Министерства обороны, Министерства жилищного хозяйства трудятся бок о бок с водителями военных бульдозеров Армии обороны Израиля, позволяет понять, почему премьер-министр Ариэль Шарон с такой легкостью заявляет о создании «Палестинского государства». Масштабные строительные работы, которые ведутся в окрестностях Иерусалима, от Вифлеема до Рамаллы, превосходят все палестинские попытки преобразования городской, промышленной и культурной среды в районе Восточного Иерусалима. Южный анклав на территориях к западу от реки Иордан, растянувшийся от Хеврона до Вифлеема, будет отделен от центрального анклава в районе Рамалпы зоной многочисленных компактных израильских поселений, сетью тоннелей и шоссейных дорог. Северный анклав, от Дженина до Наблуса, будет отсечен от центра плотной полосой жилого квартала Ариэль-Эли-Шилон{338}.

Что касается «приостановления реализации программы развития поселений», то здесь Шарон убедил сторонников радикальных мер в своем правительстве принять условия «Дорожной карты», выдвинув следующий аргумент: «Здесь нет никаких ограничений, и вы

спокойно сможете развивать поселения во благо будущего своих детей, внуков и, я надеюсь, также и правнуков»{339}.

Если судить по официальным заявлениям, то «Дорожная карта» дает палестинцам гораздо больше, чем соглашения, которые были достигнуты в ходе переговоров в Осло. Такие выражения, как «Палестинское государство», «конец оккупации», «приостановление реализации программ развития поселений» и многие другие, просто отсутствуют в тексте соглашений, подписанных в Осло. Однако не стоит верить тому, что написано. Помимо представителей крайних взглядов, Израиль и его главный зарубежный спонсор не проявляли интереса к территориям и задачам, которые выходили за рамки их собственных интересов. Израиль не стремился содействовать большой массе палестинского народа. Создание «видимости преобразований» продолжилось и позволяло более открыто следовать ранее принятому плану действий.

Помимо официальных заявлений, общей риторики и «видения» различных участников процесса мирного урегулирования в отношении его способов были еще и конкретные действия. Вот лишь несколько примеров. Действия администрации Дж. Буша привели в оцепенение все международное сообщество, когда в декабре 2000 года США наложило вето на принятие резолюции Совета Безопасности ООН, поддержанной Европейским Союзом, которая предполагала направление группы международных наблюдателей в зону конфликта. Против этого решительно выступало израильское руководство, ведь присутствие наблюдателей, возможно, не только позволило бы снизить уровень агрессии с палестинской стороны, но ограничило бы возможности Израиля проводить жестокие репрессивные меры сдерживания.

За десять дней до скандала с принятием резолюции Совбеза ООН США демонстративно отказались принять участие в международной конференции в Женеве, собравшей Высоких Договарившихся сторон Женевской конвенции, которая была посвящена обсуждению ситуации на оккупированных территориях. Решение США о бойкоте мероприятия произвело эффект «двойного вето»: ни одно решение не могло быть принято, а конференция носила сугубо формальный характер, и вскоре о ней уже никто не вспоминал. Участники конференции подтвердили актуальность и правомочность положений четвертой Женевской конвенции по вопросам оккупированных территорий, и, таким образом, многие действия США и Израиля в регионе могли быть расценены как военные преступления. Конференция повторно осуждала создание израильских поселений при поддержке США, а также действия израильских властей, которые «допускали преднамеренные убийства, пытки, незаконные депортации, сознательный отказ в предоставлении прав на справедливый и квалифицированный суд, массированное уничтожение и присвоение собственности... осуществляемые умышленно и в обход закона»{340}.

Четвертая Женевская конвенция, изначально созданная для осуждения преступлений нацистского режима в оккупированной Европе, закрепляет основополагающие принципы международного гуманитарного права. Правомочность применения норм и принципов, зафиксированных в ней, в ситуации с оккупированными Израилем территориями, неоднократно подтверждалась и в резолюциях Совета Безопасности ООН, а также самим Дж. Бушем-старшим в сентябре 1971 года, когда он являлся послом США в ООН.

В этой связи Резолюция № 465 Совета Безопасности ООН (1980 года), принятая единогласно, осуждала политику США, направленную на поддержку действий Израиля, квалифицированных как «вопиющие правонарушения» международной конвенции. Резолюция № 1322 (принятая в октябре 2000 года; пункт 14-0 гласил, что США воздержались при голосовании) призывала Израиль «добросовестно следовать взятым на себя обязательствам в соответствии с четвертой Женевской конвенцией». Как Высокие Договарившиеся стороны, США и государства ЕС торжественно возложили на себя обязательства выявлять и преследовать виновных в совершении преступлений, предусмотренных конвенцией, включая случаи, когда преступниками являются руководители их собственных стран. Упорствуя в несоблюдении этого обязательства, они «способствуют распространению терроризма» — используя слова Дж. Буша II в отношении палестинцев. С годами позиция США менялась. Сперва они выражали согласие в связи с правомочностью применения норм международных конвенций к ситуации, сложившейся на оккупированных территориях. Позднее, в период президентства Б. Клинтона, они воздерживались от подобных оценок, а в конце, при Дж. Буше, и вовсе отвергали эти аргументы как несостоятельные.

Администрация Дж. Буша различными способами демонстрировала свое молчаливое согласие с проведением жестких репрессивных мер на оккупированных территориях. Так, когда Ариэль Шарон силовыми методами решал вопросы на территориях западного берега реки Иордан в апреле 2002 года, в Израиль для «установления мира» был направлен К. Пауэлл. Перед тем как достичь пункта назначения в Израиле, он долгое время находился с визитом в странах Средиземноморья и приехал в зону конфликта к тому моменту, когда у защитников Йенина совсем не осталось продовольствия и амуниции. Можно предположить, что специалисты из Госдепартамента и внешней разведки специально спланировали его поездку таким образом. Один чиновник из Пентагона констатировал очевидное: «Маршрут Пауэлла, — заявил он, — был рассчитан с тем, „чтобы предоставить Шарону запас времени“». Другой сотрудник Госдепартамента США заявил следующее: «Израильтяне не столько слушают, о чем мы говорим, сколько наблюдают за тем, что мы делаем... а наши действия направлены на то, чтобы предоставить им время для вывода войск из зоны конфликта»{341}. Израильское руководство воспользовалось этой возможностью для завершения начатого. В итоге лагерь беженцев в Дженине сровняли с землей, старая часть Наблуса была практически полностью разрушена, муниципальные и гражданские сооружения палестинского города Рамалла были уничтожены с вероломством, которое Армия обороны Израиля неоднократно демонстрировала на протяжении последних лет.

В декабре 2002 года подавляющее большинство членов Генеральной Ассамблеи ООН в очередной раз выразили свой протест в отношении фактической аннексии Израилем территории Иерусалима в нарушение целого ряда постановлений Совета Безопасности ООН, начиная с Резолюции № 1968 (США голосовали за ее принятие). После этого США впервые проголосовали против резолюции, формально отказываясь от длительно занимаемой ими позиции по поводу статуса Иерусалима. США поддержали Израиль, некоторые зависимые островные государства Тихого океана и Коста-Рика. По существу, это решение сводило к минимуму все шансы политического урегулирования ситуации. Руководство США при Дж. Буше фактически продолжило оказывать поддержку силовых мер в решении ближневосточного вопроса. США проголосовали против резолюции, призывающей к

консолидации международных усилий «для противодействия ухудшению отношений Израиля и Палестины, прекращения любых односторонних преобразований на спорной территории, которые велись с момента последнего столкновения в сентябре 2000 года, а также для объединения усилий для поиска возможных способов мирного урегулирования». Резолюция принята в результате голосования: 160 — «за», 4 — «против», среди которых — США, Израиль, Микронезия, Маршалловы острова. В соответствии с уже сложившейся традицией об этом решении официально не было сообщено в США{342}.

Вдобавок Буш назвал, по сути, главного террориста Шарона «человеком года» и потребовал, чтобы Ясира Арафата сменил премьер-министр, который бы отвечал требованиям США и Израиля, несмотря на «значительную общественную поддержку Я. Арафата»{343}. Все это вполне укладывается в то, как президент США «представляет создание палестинской демократии».

В феврале 2003 года президент Дж. Буш выступил с речью в исследовательском центре «Американ энтэрпрайз институт»[23], в которой, как писала газета «Нью-Йорк таймс», «он дал свою оценку развития израильско-палестинской конфликтной ситуации за последние восемь месяцев». В целом его речь была бессодержательной, однако в ней было одно важное замечание. Буш вскользь отметил, что Израиль мог бы продолжить реализацию своей программы развития поселений и освоения оккупированных территорий. Свое согласие в этом отношении он выразил в утверждении, что «по мере продвижения к окончательному мирному урегулированию должна прекратиться деятельность по созданию поселений на оккупированных территориях». Он имел в виду, что реализация израильских поселенческих программ может быть продолжена, если США решат (в одностороннем порядке, как обычно), что в ситуации происходят позитивные изменения{344}. В очередной раз одно «важное замечание» президента Буша меняет весь официальный политический курс США. До этого программы развития поселений рассматривались как незаконные или, по крайней мере, как «не приносящие пользу». Теперь они в одночасье получают официальную поддержку. Наверно, в защиту действий президентской администрации можно сказать только, что она до последнего момента пыталась привести позицию американского руководства в соответствие с невыполнимыми международными требованиями, но реальная жизнь диктует свои правила.

Преобладающие ценности всегда не явно выражены. Так, в канун первой годовщины событий 11 сентября президент воспользовался случаем, чтобы выделить небедному Израилю дополнительную помощь в размере 200 миллионов долларов, при этом отказав в предоставлении помощи в 130 миллионов долларов нуждающемуся Афганистану{345}. Данное утверждение верно не только для США. Бывший министр иностранных дел Великобритании лорд Дуглас Хёрд написал, что «Ближний Восток больше всего раздирают две основные проблемы: опасность в лице Саддама Хусейна и нерешенность проблем обеспечения безопасности Израиля»{346}. Обеспечение безопасности палестинского населения в течение тридцатишестилетней военной оккупации не является «нерешенной проблемы». По сути, эта проблема вообще не обсуждается.

Дальнейшие действия, подрывающие попытки мирного дипломатического урегулирования палестино-израильского конфликта, оправдываются борьбой с палестинским терроризмом,

который в последнее время действительно усилился. Об этом свидетельствуют ужасные преступления против израильского гражданского населения во время «Интифады аль-Аксы», вспыхнувшей в конце сентября 2000 года. Интифада стала ответом на происходившие в самом Израиле изменения. Влияние израильских военных достигло такого уровня, что Бен Каспит, военный корреспондент, описал ситуацию в стране следующим образом: «Страна стала не государством, имеющим армию в своем распоряжении, но сама армия стала распоряжаться в стране»{347}.

Оценки Каспита совпадают с мнением другого известного военного корреспондента, Рёвена Педатзура, который отмечает преобладание в Израиле «культуры силы» и «превалирование силовых решений в арсенале политических средств израильского руководства» над мирными способами достижения своих целей, что характерно для Израиля с момента его основания. В своих размышлениях над книгой военного историка Мотти Голани Р. Педатзур отмечает, что Голани, «безусловно, прав», когда «открыто отрицает существование некоего священного ореола Израиля, в соответствии с которым Израиль всегда стремится к мирному существованию, а его соседи якобы последовательно демонстрируют свое нежелание вступать на мирный путь развития». Факты свидетельствуют об обратном, сходятся во мнении Р. Педатзур и М. Голани. Главная причина этого заключается в «институционализации силы и монополизации права на ее применение политической и военной элитой страны».

Военное руководство открыто вмешивается в «процесс обсуждения политических и дипломатических вопросов», порой угрожая применением силы, оказывает давление на органы принятия политических решений, как ни в одной другой демократической стране мира. Руководствуясь этой преобладающей «культурой силы», «израильская военно-политическая верхушка при обеспечении безопасности в обществе применяет тактику запугивания... использует страх как мобилизующую израильское общество силу и как фактор отвлечения населения от внутренних проблем, среди которых ухудшение экономической ситуации и растущий уровень безработицы». Такая «формула» внутренней политики достаточно известна во всем мире, в том числе в США. В Израиле она была впервые внедрена на самых ранних порах его развития основателем государства Давидом Бен-Гурионом, а «тактика запугивания успешно применялась все эти годы» вплоть до настоящего времени. Р. Педатзур вместе с другими израильскими экспертами предупреждает о «серьезной опасности», что «общество свыкнется с мыслью... о том, что демократическая позиция — это непозволительная роскошь», если не «проявление фашизма»{348}.

Утверждения Б. Каспита основаны на очевидных свидетельствах открыто пренебрежительного отношения военного руководства к приказам гражданского правительства в первые дни после объявления палестинцами интифады Израилю. Это особенно примечательно, учитывая, что премьер-министр А. Шарон некогда возглавлял Генеральный штаб Израиля, равно как и многие другие действующие члены правительства прежде входили в верховные эшелоны военного руководства страны. Чувствуя свое превосходство над беззащитными оппонентами, Армия обороны Израиля, как любая другая силовая структура, моментально использовала возможность прибегнуть к использованию грубой силы. Когда глава военной разведки направил запрос, чтобы узнать, «сколько

выстрелов произвели военнослужащие Армии обороны Израиля в первые дни начавшихся беспорядков», он и другие генералы пришли в ужас, узнав, что в первые дни с момента объявления интифады всего был произведен миллион выстрелов из различных видов стрелкового оружия. «По выстрелу на каждого ребенка», — с отвращением прокомментировал один высокий офицерский чин. Военные источники подтвердили сообщения о том, что после одного единственного выстрела в воздух, сделанного, чтобы продемонстрировать некоему европейскому наблюдателю, находящемуся в зоне конфликта, серьезность происходящего, со стороны израильских войск (пехоты и танковых подразделений) начался двухчасовой массированный обстрел близлежащей территории.

По подсчетам Армии обороны Израиля, в первый месяц объявления интифады соотношение убитых со стороны палестинцев и израильтян в районах, занятых вооруженными силами, составило почти двадцать к одному (семьдесят пять палестинцев на четырех израильтян), причем сопротивление израильским солдатам редко принимало более серьезные формы, чем метание камней палестинцами. Вооруженные силы Израиля применили тяжелые военные бульдозеры, предоставленные США для уничтожения жилых построек, сельскохозяйственных полей, оливковых рощ, с неистовой силой. После этого Израиль стали сравнивать с «одним большим бульдозером, — писал один крайне обеспокоенный таким положением дел израильский журналист, — который своими действиями ставит крест на собственных основополагающих идеалах о том, чтобы „сделать пустыню цветущей“»{349}.

С самого начала беспорядков Израиль использовал военные вертолеты, которые поставляли США для нанесения ударов по гражданским объектам, в результате чего погибли и были ранены десятки человек. Реакцией Б. Клинтона было немедленное подписание крупнейшего за десятилетие контракта на поставку военных вертолетов. Ограничений на их использование не было никаких, сообщили в Пентагоне журналистам. О фактах использования американской военной техники против гражданского населения было известно с самого начала, однако об этом не было ни единого упоминания в США.

В действиях Израиля не было ничего кардинально нового. В период военных действий в Персидском заливе в 1991 году США испытывали такое превосходство, что военное командование применило, по словам журналиста Патрика Слаяна, «кардинально новую тактику»: пехота следовала за танками, к передней части которых были приделаны землеройные устройства и отвалы. С их помощью проделывались бреши в позициях иракских войск, а траншеи с иракскими солдатами фактически ровнялись с землей. Противниками США были в основном шиитские и курдские призывники из крестьянского населения, которые, казалось, являлись всего лишь несчастными жертвами режима Саддама Хусейна и которые теперь либо прятались в песчаных дюнах, либо попросту бежали со своих позиций в надежде спастись от неминуемой гибели. Подобные репортажи П. Слаяна и многих других вызывали незначительный интерес в США{350}.

Такие силовые акции выходят за рамки обычных военных операций. Когда между противоборствующими сторонами столь сильно различие в военном потенциале, они направлены на прославление собственных преступлений. В качестве примера немусульманской страны, относящейся к «оси зла», можно привести Северную Корею. Эта страна, без сомнения, не сможет забыть «показательный пример воздушного военного

превосходства, преподнесенный в назидание коммунистам всего мира и в первую очередь корейским коммунистам». В мае 1953 года, за месяц до объявления перемирия — об этом с энтузиазмом писалось в официальном обзоре BBC США — в отсутствие других объектов атаки на опустошенной войной территории страны, американские бомбардировщики нанесли удар по жизненно важным гражданским объектам. В результате этих бомбардировок была уничтожена целая система ирригационных дамб, которые «обеспечивали водой 75 процентов всех северокорейских рисовых полей». «Западному человеку трудно понять весь ужас произошедшего, но для азиата уничтожение главного продукта продовольственного потребления означает одно — голод и медленную смерть» — это выдержка из официального доклада о преступлениях, за которые на Нюрнбергском трибунале международные преступники были приговорены к смертной казни{351}. Довольно легко предположить, что руководство Северной Кореи, которое теперь пытается играть со всем миром в игру, «у кого слабее нервы», с использованием ядерного оружия, вряд ли сможет просто забыть об этих преступлениях.

Важно понимать, насколько общепринятыми являются подобные практики и могут ли они иметь повторение в будущем, если только какое-либо сильное государство не воспрепятствует этому. Можно вспомнить ужасную картину города Грозного, лежащего в руинах. Если историческая память позволяет, то можно припомнить также массированные опустошительные бомбардировки США территории Индокитая. Жажда возмездия не знает пределов, когда могущественные государства подвергаются террору, который они обычно сами применяют к своим жертвам. Приведу пример из далекого прошлого, когда 150 лет назад на территории оккупированной Индии в ходе восстания («Индийский мятеж», как окрестили эти события в империи) были убиты граждане Великобритании, реакция ее правительства была беспощадной. Это был пример «одного из наиболее жутких и ужасных проявлений зла, на которое только способен человек», — написал Дж. Неру, согласно британским и индийским источникам, в тюрьме во время Второй мировой войны (это письмо находилось под запретом в период английского господства над Индией). Сегодня в подробных курсах британской истории приводятся сведения о существовавшей «распространенной практике» «беспочинных нападений на сельское население и на невооруженных индийцев, которые могли при этом быть верными слугами нападавшего хозяина». А также сведения о практике жестоких расправ над арестованными «мятежниками», «сжигании целых деревень за то, что они находились в непосредственной близости от предполагаемых мест преступления, совершенных индийцами», — «чудовищные проявления слепого расизма британцев... вызванного желанием мести». В другом случае описывается, как десятки тысяч солдат и крестьянских партизан были повешены, расстреляны, что приводило к резкому снижению численности населения в отдельных регионах. Общее настроение выразил в мае 1857 году Джон Николсон, которого его поклонники и современники называли «героем Дели», «честнейшим человеком» и «настоящим христианином»: «Необходимо издать закон, по которому с убийц женщин и детей сдирали бы кожу живьем, сажали бы их на кол и сжигали прямо в Дели. Возмутительна сама идея казни этих преступников через повешенье». Немало из этих зверств лежит на совести других правоверных христиан, которые, дабы отомстить, совершали немыслимые зверства{352}.

В качестве иллюстрации того, что Вторая мировая война не произвела в этом отношении никакого отрезвляющего воздействия, приведу пример Кении, где в 1950-х годах, в результате подавления последствий вспыхнувших там восстаний, погибло 150 000 человек. Эта кампания, сопровождавшаяся чудовищными репрессиями и террором, как всегда, руководствовалась самыми светлыми мотивами. Генерал-губернатор Великобритании объяснял кенийскому народу в 1946 году, что британцы распоряжаются землями и ресурсами Кении «по праву, которое завоевали их доблестные отцы и деды». Если «большая часть благ этой страны в настоящий момент находится в наших руках», то это связано с тем, что «они принадлежат нам по праву завоевателя», а африканским народам ничего не остается, кроме как научиться жить в мире, «который мы создавали на фоне социальных потрясений конца девятнадцатого и двадцатого веков»{353}.

Сама история день за днем преподносит нам непростые уроки, учитывая, что угрозы современного мира становятся более серьезными по мере увеличения доступа к средствам массового уничтожения.

Израильское военное руководство полагается не только на распространенную военную доктрину, основанную на принципе военного превосходства, но также на собственный опыт. Когда израильское командование в октябре 2000 года отдало приказ о проведении силовой операции с целью «сломить» палестинцев, используя при этом такие меры, как «коллективные казни», оно, вероятно, не предусмотрело, что это может спровоцировать «кровавые акты отмщения»{354}. Такой ответной реакции не последовало, когда израильский премьер-министр И. Раббин во время первой интифады, десять лет назад, направил войска для подавления волнений посредством избиения, пыток и унижения палестинского населения. Тогда, как и множество раз до этого, тактика применения израильянами вооруженной силы сработала{355}.

В декабре 1982 года, в момент когда вспышки ожесточенного насилия Армии обороны Израиля на оккупированных территориях повергли в ужас даже самых воинственно настроенных израильских политиков, один известный израильский ученый и специалист в военных вопросах предупреждал об одной опасности. Она была связана с тем, что три четверти из миллиона молодых людей, которые отслужили в армии, «живут с мыслью, что задача вооруженных сил состоит не в обороне государства на поле боя против иностранного агрессора, а в систематическом ущемлении прав ни в чем не повинных людей, только по той причине, что они являются „арабушим“ и живут на землях, обещанных Всевышним евреям». Важный в этом отношении принцип был сформулирован Моше Даяном в первые годы после оккупации. Он заявил, что Израиль должен объявить живущим вокруг палестинцам о том, что «между нами не может быть согласия, вам остается либо жить, как скоты, либо покинуть эти земли, а мы будем ждать, пока вы примете решение»{356}. Однако палестинцы оказались «непреклонны» — они мирились с тяготами, но ничего не могли сделать.

Совсем иная ситуация началась после объявления второй интифады. На сей раз приказы израильского руководства жестоко подавлять недовольство палестинских жителей спровоцировали цепь акций террора, обрушившихся на Израиль, который утратил прежнее чувство неуязвимости и безнаказанности. В статье одной из ведущих израильских газет,

